

фольклорно-этнографического коллектива «Ленок» Житковичского района Гомельской области состоит из обрядового фольклора Туровщины и включает фрагменты обрядов Юрье, Купалье, Зажинки, Дожинки, Свадьба, Крестины. Также весьма разнообразен и репертуар хора Белорусского государственного университета культуры и искусств «Грамницы», в который входят фрагменты обрядов Свадьба, Коляды, Троица, Купале и др. Видео- и аудиозаписи выступлений этих и многих других белорусских коллективов можно использовать в процессе изучения традиционных обрядов белорусов.

В-четвертых, в процессе обучения предлагать учащимся младших и средних классов ритмические упражнения и музицирование на простых в овладения ударных и духовых инструментах в сочетании с музыкальными композициями коллективов. В качестве примера можно привести композицию ансамбля этнотрио «Троица» «Яблынь моя», которая исполняется с минимальным аккомпанементом (в аранжировке использованы только перкуссии, которые ритмически поддерживают вокальную партию).

В-пятых, использовать аудиозаписи композиций коллективов в качестве музыкального сопровождения хореографических постановок. Так, в репертуаре современных ансамблей включено большое количество аранжировок танцевальной направленности. Например, программы заслуженного любительского коллектива Республики Беларусь «Крупницкие музыки» выполнены на основе сельского и городского фольклора. В репертуар ансамбля входят танцы («Праздничный вальс», кадрили из разных регионов республики), польки («Полесская», «Слуцкая», «Крупницкая», «Кругавая»), хореографические композиции («Пава», «Базар гудит», «Верба», «Кузнецы»).

В-шестых, творчество коллективов ориентированных на исполнительский фольклоризм в рамках внешкольной деятельности может также стать основанием для создания ансамблей разных стилистических направлений.

Таким образом, воспитательный и образовательный процесс современной школы можно оптимизировать, используя достижения исполнительского фольклоризма.

ТРАДИЦИИ РОЖДЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В КИТАЕ

Дин Шуюэ

*аспирантка кафедры белорусской и мировой художественной культуры
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

Большим событием в жизни каждой китайской семьи считалось рождение сына. Близкие и друзья навещали роженицу, приносили подарки: одежду для ребенка и продукты для поддержания сил матери. Чтобы отблагодарить друзей и знакомых, накрывали праздничный стол или просто угощали гостей вареными яйцами, окрашенными в красный цвет. В этих случаях полагалось

приглашать друзей на лапшу, которая символизировала долголетие новорожденного.

Еще в древнейших песнях «Шицзин» упоминалось, как новорожденного мальчика клали на нарядную циновку, всячески ублажая, давали ему в руки богатые игрушки, а при этом родившаяся девочка лежала в углу дома на куче тряпья и забавлялась обломками глиняных сосудов. Такое различие в отношении к сыну и дочери не только сохранилось, но и значительно усилилось с распространением конфуцианского культа предков. А чтобы как-то поспособствовать рождению непременно сына, китайки прибегали к всевозможным заклинаниям и гаданиям.

Иметь сына считалось целью брака и большим счастьем для семьи. Это нашло отражение и в поговорках: «Вырастишь сына – обеспечишь старость, соберешь зерно – предотвратишь голод»; «И сына, и поле надо иметь свои»; «Лучшие сыновья в мире – свои собственные» [2].

С ранних лет детей приучали выполнять различные обряды. Так, при виде новой луны дети, обращаясь к месяцу, кланялись ему и припевали: «Месяц, месяц, месяц! Кланяюсь тебе, трижды кланяюсь. Не позволяй, чтобы у детей была чесотка». Луна, оказываясь, влияла не только на детей, но и на их платье, поэтому ночью не следовало класть одежду мальчиков и девочек на место, куда падал свет луны или звезд. Девочка должна была бояться света звезд, а мальчик – света падающей звезды.

По установившейся традиции новорожденному дарили различные украшения. Подарки эти могли быть действительно ценными – золотая цепочка на шею или украшение из серебра в форме замочка, но могли быть и совсем простые, чисто символические, например косточка от персика с вырезанными на ней разнообразными узорами. Через косточку продевалась нитка, которая привязывалась к руке ребенка.

Маленьких мальчиков часто одевали как девочек для того, чтобы обмануть духов болезни или смерти, которые, как верили родители, в таком случае пройдут мимо них. Суеверные родители, боясь, что долгожданного и любимого мальчика будут преследовать болезни или даже похитит смерть, давали ему имя Ятоу (Служанка). Этим они как бы старались обмануть злых духов, показать, что ребенок им не дорог, и они вроде бы не боятся его потерять. Мальчики были предметом особой заботы в семье. Стремясь уберечь их от болезней, предохранить от нечистой силы и несчастных случаев, родители прибегали к самым различным амулетам и талисманам. Новорожденного предохранял особый амулет – «замочек ста семейств». После рождения сына отец обходил сто человек – родных и знакомых – с просьбой дать по одной или несколько медных монет. На собранные деньги он покупал замочек и вешал его на шею ребенку. Это означало: сто семейств заинтересованы в долголетьи новорожденного.

Девочкам вешали на шею мешочки, наполненные ароматическими травами. Такие мешочки вышивались искусными швеями и обычно были красного цвета, который надежно отпугивал злых духов.

У молодой невестки было одно средство облегчить свое положение в семье – родить сына. И вот она забеременела. Все ждут от нее сына, и сама она мечтает родить мальчика. И о ужас! – на свет появляется девочка! Глаза матери наполнены горькими слезами, она не смотрит на маленькое существо. Свекровь в бешенстве, и даже муж, который вообще-то неплохо относится к жене, выглядит печальным и озабоченным. Если жена рожала только девочек, то она считалась виноватой перед мужем, ибо обманула его надежды на продолжение рода. Неспособность жены родить сына давала право мужу брать в дом наложницу – это разрешалось законами.

Рождение детей на благо родителей считалось основной целью брачной жизни и, как думали верующие, обеспечивало старшему поколению загробный покой [1]. Однако среди всех членов семьи самыми бесправными были дочери. От них требовалось не просто послушание, но беспрекословное повиновение. С детских лет они должны были участвовать в любой домашней работе, помогая в уборке, мыть и чистить посуду. В подростковом возрасте их обучали шитью. После того, как для девушки был выбран жених (как правило, это случалось уже к двенадцати годам), будущая невеста обучалась той работе, которой занимаются женщины из семьи жениха.

Девочкам не разрешалось предаваться играм и безделью. Им не разрешалось общаться с соседскими мальчишками, а в подростковом возрасте запрещалось играть и с мальчиками своей семьи. Запрет налагался на все самостоятельные передвижения за пределами дома. Отлучки из дома были возможны только в сопровождении кого-нибудь из членов семьи. Воспитанием и обучением девочек в основном занимались женщины. Однако отцы не должны были полностью оставаться в стороне. Именно на их плечах лежала ответственность по воспитанию в дочерях так называемых «трех правил подчинения»: дома повиноваться отцу; в замужестве повиноваться мужу; во вдовстве повиноваться сыну. Глава семейства отвечал и за воспитание у дочери «четырех добродетелей», состоящих в соблюдении супружеской верности, честности, скромности и усердия.

Что касается матерей, то в их обязанности, прежде всего, входила подготовка дочерей к будущей замужней жизни. Это не ограничивалось только обучением ведению домашнего хозяйства. Мать обязана была «сформировать достойный облик» своей дочери в соответствии с представлениями китайцев об истинной красоте. Кстати, нельзя не упомянуть, что ранние представления китайцев о женской красоте существенно отличались от наших. Китайцы полагали, что настоящей красавицей может быть только та девушка, которая выглядит как слабая и хрупкая тростинка (гармония прямых линий) [3].

Девочки в китайских семьях с самого их рождения считались «отрезанным ломтем», так как после выхода замуж они навсегда уходили в семью мужа. Возврат в свою семью был возможен только в случае смерти мужа.

Решение о замужестве дочери родители могли принять в любое время, даже еще до рождения дочери. Мнение и желание будущей невесты никогда не

спрашивалось. Как видно, на процесс и результат воспитания детей огромное влияние оказала смесь Конфуцианства и религиозного Даосизма, впрочем как и на любую другую сторону жизни. «Выданная замуж дочь, – гласила старая китайская поговорка, – то же, что вылитая вода», т. е. совершенно бесполезный для семейства человек. Только мальчику суждено было до конца дней пребывать в неразрывной связи со своими предками. Кроме того, родители рассчитывали получить поддержку в старости, что особенно важно для бедных семей, где каждый работник вносил свой вклад в благосостояние семьи, а женщина рассматривалась как нечто крайне несовершенное и несамостоятельное. С самого рождения и до смерти, она была под властью: отца, мужа, сына [3].

1. *История Китая: учебник / под ред. А.В. Меликсетова. – М., 2004. – 752 с.*

2. *Фицджералд, Ч.П. История Китая / пер. с англ. Л.А. Калашниковой. – М., 2005. – 46 с.*

3. *Малявин, В.В. Китай в XVI-XVII вв. Традиция и культура / В.В. Малявин. – М., 1995.*

НАРОДНА-ПЕСЕННАЕ ВЫКАНАЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ: ТЭОРЫЯ, ГІСТОРЫЯ І ПРАКТЫКА

Грамовіч І. М.

*кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры беларускай народнапесеннай творчасці УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў»
(Рэспубліка Беларусь, г. Мінск)*

Тэорыя, гісторыя і практыка народна-песеннага выканальніцтва налічвае каля ста гадоў. На працягу XX стагоддзя ў Беларусі пройдзены шлях станаўлення ад аматарскай творчасці да прафесійнага майстэрства.

Удзел і перамогі на фестывалях і конкурсах сведчаць аб высокім узроўні айчыннага народна-песеннага выканальніцтва. Шматлікія народныя калектывы паказваюць і прапагандуюць беларускую народную песню не толькі ў нашай краіне, але і ў краінах блізкага і далёкага замежжа. Сваёй канцэртнай і творчай дзейнасцю народныя харавыя калектывы і фальклорныя гурты занялі трывалае месца ў харавым мастацтве і прадстаўляюць самастойны від харавога мастацтва з глыбокімі традыцыямі.

Вялікі ўклад у распрацоўку тэарэтычных асноў і станаўленне народна-песеннай выканальніцкай школы зрабілі расійскія навукоўцы: І.І. Зямцоўскі, А.В. Руднева, А.С. Каргін, В.В. Конан і інш.

Феномен творчай дзейнасці народна-песенных калектываў разглядаўся як ўзаемадзеянне народнай творчасці і прафесійнага мастацтва. Напрыклад, І.І. Зямцоўскі вызначае фальклор як першасную культуру, а фалькларызм, як другасную [1]. Ён прапаноўвае новую тыпалогію народных хароў, якая адпавядае мясцовай традыцыі. Такая ўстаноўка вызвана тым, што шматлікія прафесійныя песенныя калектывы не могуць у поўнай меры захаваць традыцыі і пераўтвараюцца ў калектывы новага тыпу. У сувязі з гэтым перад песеннымі